

Слово Ребёнка

... Дети говорят и пишут. Дети, которые стараются говорить и писать так, как хотят (или им кажется, что так хотят) взрослые, охотно показывают родителям и учителям то, что у них получилось: с нетерпением ждут похвалы. Дети, которые говорят и пишут для себя и от себя, почти никогда не показывают взрослым своих произведений. Знают, что вряд ли их творения будут взрослым интересны... Да и вообще—зачем? Такие дети пишут—как птицы пьют. Без всякой специальной цели. Их тексты с ними случаются—как завихрения в потоке бытия.

Думается, что именно в этих странных завихрениях и обнаруживаются иногда зёрна *нового*, ещё никогда раньше не бывшего *слова*. Лишь бы только всесильным (по сравнению с младенцем!) взрослым, которым посчастливилось прикоснуться к подлинной детской творческой стихии, удалось, отделив эти зёрна от массы беспрерывно множасьихся плевел, сохранить их, дать им возможность прорасти в более или менее благоприятной почве.

«Синяя тетрадь»—страницы детского литературного творчества. Юные авторы здесь выступают как творцы настоящих художественных произведений, ценных для культуры,—без всяких скидок на возраст. Ибо Слово юного автора занимает в литературе собственную нишу именно как Слово Ребёнка, Подростка, Юноши. Нам хотелось бы это Слово слышать, откликаться на него, обращаться к нему. Мы открываем «Синюю тетрадь».

Марина Саввиных

Таня Громова

4 года

Солнышко Таня

Жила-была девочка Таня. И она пошла в лес. Там она увидела не обычное, а разговаривающее дерево. Глазки на ветках, ротик на стволе, и цветочки на дереве. Это дерево было сказочным. Цветочки, которые росли на земле, были красивыми, они тоже умели разговаривать. Они бесконечно говорили, говорили, говорили...

Потом Таня пошла к озеру. Она захотела покупаться, а рыба сказала:

— Нельзя здесь купаться, может, какая-нибудь злая моя сестра тебя укусит!

Таня попросила:

— Скажи своим сёстрам, чтобы они не были такими злыми.

— Сёстры, будьте добрыми,—сказала рыба.

— Ладно,—сказали рыбы.—Мы уже хорошие—купайся.

Купалась, купалась, купалась, купалась, и все рыбы были хорошими.

— Ля-ля-ля-ля,—пела девочка.

Потом она пошла домой. А утром—к солнышку. Она захотела, чтобы солнышко всегда светило в небе и никогда не залезало за тучки в свой домик.

Солнышко ей сказала:

— Я хочу, чтобы ты тоже была солнышком.

— А как?—спросила Таня.

— Я помажу тебя своими лучами.

И помазало. И Таня стала солнышком. Только она ходила по земле.

Наташа Колтунова

5 лет

Кот и Золотое Крылышко

Жил-был кот по имени Мурзик. Кот был зубастый-кусастый. Как-то раз попал кот в Птичий город. Сел кот. Накруглил усы, как паук. Навострил глаза, расширил. И подумал: «Съем-ка я кого-нибудь. Кого? Птичку!!!»

И стал он думать какую. Решил он съесть синичку. А в этом городе все синички были волшебные синички-сестрички. Кот этого не знал. Поймал он самую маленькую синичку на свете—Золотое Крылышко. Все сестрички захотели её выручить. Но тут заговорила она человеческим голосом:

— Не трожь меня! Я—волшебная!

«Надо же—рифма!»—удивился кот. И спросил:—Мяу-мяу?! Вы что, мяу-мяу, рифму знаете? Мяу-мяу?—и попросил синичку:—Я очень люблю стихи. Прочитай мне, пожалуйста, если умеешь.

Синичка и прочитала. Стихи были такими волшебными и добрыми, что подсказали ему: «Нужно стать добрым и никого не есть! Только еду».

И кот стал добрым. Отпустил он синичку:

— Иди на волю, Золотое Крылышко!

Все синички-сестрички обрадовались. А кот Мурзик и синичка Золотое Крылышко с тех пор стали друзьями и поженились.

Ника Кондратьев

8 лет

Самый страшный сон для школы

Вечером я ложусь и засыпаю. И вижу сон о моём сне—я засыпаю и вижу сон о том, как я вижу сон. Я засыпаю много раз, и каждый раз сон переходит из одного в другой.

Приходит мама и начинает меня будить. Я просыпаюсь в одном сне, потом в другом, в третьем, в четвёртом. Я просыпаюсь много раз, долго-долго, а уроки уже начались и скоро закончатся. Я проспал все уроки.

Сказка

Жили-были компьютер Коля и палатка Вася. Раз прилетел Дракон, да не простой, а трёхголовый и шестиглазый. И как ухватит он палатку и унесёт в своё логово! Компьютер Коля побежал к богатырю и говорит: «Богатырь! Моего друга утащил Дракон, пожалуйста, помоги найти моего друга!»

«Ладно,—отвечает богатырь,—пошли».

Идут они и пришли к логову. А логово не простое, а в скале спрятано, а вход засыпан булыжниками. Богатырь как все булыжники раскидает! Вошли они в логово, пришли к Дракону.

Дракон говорит: «Выполните три испытания—отдам вам палатку и буду хорошим. Первое испытание будет таким: кто-то из вас должен сразиться с моим воином. Если воин упадёт, значит, первое испытание будет выполнено. А если ты, богатырь, упадёшь, тогда палатка останется моей».

Пошёл богатырь, сразил воина и пришёл.

Дракон говорит: «Первое испытание ты выполнил, посмотрим, как ты, компьютер, выполнишь второе. Второе испытание будет таким: я загадаю тебе несколько загадок».

Разгадал компьютер все загадки до единой.

Дракон говорит: «А третье испытание будет таким: вы вместе должны пройти по лабиринту. И найти палатку и выйти из лабиринта».

Прошли они по лабиринту. И нашли палатку. И вышли из лабиринта.

Пришли к Дракону и говорят: «Мы выполнили все твои испытания. Ты обещал, что будешь хорошим».

Дракон отвечает: «Но если я буду добрым, я не смогу жить здесь».

Отвечает ему компьютер: «Давай ты поможешь нам построить большой дом».

Дракон отвечает: «Ладно. Пошли. Где мы будем строить дом?»

Построили дом и начали жить счастливо.

Илья Трубленко

15 лет

Оптимистический рассказ

Двери сейчас надо держать на замках. Желательно на восьми и желательно бронированную. Услышал знакомый голос—не открывай: подделали. Всюду сплошные мошенники, воры, убийцы, прости-тутки. Видишь того мужика на том балконе? ага, определённо—шпион, диверсант, рецидивист. Видишь, мальчишки в футбол играют? Малолетние преступники: только выйди, только выгляни—они тебя так отфутболят!!! Ага, или вон, видишь, девочка со скакалкой прыгает? Что—ну, что—ну? Маньяк-душитель! А под платицем наверняка нож или что покруче. Вот так-то, ага! Куда ни ткни, везде смерть. Регулярно, но не много корми тараканов, задабривай, а то сожрут! А травить—ты чо, совсем того? У тебя квартира размером с туалет. Задохнёшься, умрёшь! Не пробуй вешаться, потолок не выдержит твоих пятидесяти двух килограммов, рухнет, завалит—умрёшь! Не ешь колбасу, она отравлена. Сначала дай соседке попробовать. Что ты говоришь? Что лучше сдохнешь, чем её колбасой кормить будешь? А вообще-то мы все там будем...

Татьяна Калиниченко

16 лет

Кофе

Кофе. Наверное, человек за углом любит кофе. Он—чёрный. Не боится смерти.

Значит, человек за углом любит кофе.

Он ходит по улицам, значит, не боится смерти.

Человек за углом любит кофе.

Зачем он стоит и пугает меня?

Он видит: на моём столе стоит кофе.

Он стоит на углу моего стола.

Человек стоит за углом,

Значит, человек за углом любит кофе.

Человек любит кофе, он убьёт меня.

И я отдам ему кофе,

Человеку за углом,

Который стоит на углу моего стола.

Иван Клиновой

16 лет

.....

Холодное солнце не греет нисколько.
Навязчивый дождь не приносит прохлады.
Мы даже не знали доселе, насколько
Мы лучику солнца горячему рады.
Противная осень.

Наконец-то там, где сердце,
С левой стороны груди,
Стала красоваться дверца
С робкой надписью «Входи».

Ветер липнет к усталым израненным векам.
Как сегодня мне быть?
Притворюсь человеком.

Полоз

Своим чёрно-белым голосом
Прочту чёрно-белый стих.
Шершавым холодным полозом
Меж мыслей вползу чужих.

С печалью своею чёрною
Войду в чей-то белый дом
И стану травой сорною
На поле чьём-то ржаном.

Шершавым холодным полозом
В ладони тебе вползу,
Своим чёрно-белым голосом
Твою потяну слезу.

Я полоз противный, мерзкий,
Я знаю, но всё же ты
Погладь меня против шерсти,
Погладь против чешуи.

И старую кожу скину я,
Но принца не жди отнюдь.
Со старую кожей сгнуло
Всё старое, всё забудь.

Наполнится голос красками,
Наполнится жизнью стих.
Теперь буду гибкой ласкою
Меж мыслей вползать чужих.

Настя Горбунова

15 лет

.....

Потребность в солнце

Я новую открою книгу
И не найду в ней царство солнца.
Рисую новую картину,
В которой тоже солнца нет.
Лишь заглянув за край небесный,
Перехватив улыбку счастья,
Увижу снова долгожданный,
Пускай навязчивый и странный,
Но настоящий солнца свет!

Ощущения вечера

Белые руки усталости серой
Тихо влекут в костяные объятья,
И позади, наступая на пятки,
С самого раннего отблеска утра
Мрачно бредёт чья-то серая тень.
День. Может, нет?
Год. Может, нет?
Может, вся жизнь растворилась в объятьях
Блёклой усталости, что умирать
С самого раннего утра зовёт?

Парадокс

Осень, но утро.
Слякоть, но сухо.
И на кричащем от копоты небе
Молча крадётся усталая птица.
Ей неохота, ей одиноко
Снова лететь ко счастливому солнцу.

Аня Королёва

16 лет

.....

Я не могу утонуть совсем.
Камень на моей шее становится охапкой роз.
Их острые шипы ранят моё тело.
Мимо меня проплывают люди.
Их много, и все они разные,
Но одинаковые — как один человек.

Ирина Медведева

16 лет

.....

● ● ●

Мы—среди веков забытые теперь
И среди дождей, холодных и чужих,
А пепел тех забывшихся потерь
Когда-то был рассчитан на двоих.

Где тишина в задумчивой глуши,
Где ветер свеж и холодна роса,
Там до сих пор тоскуют две души,
Не в силах вновь умчаться в небеса.

И вновь закат так пламенен и ал,
И вновь в окно забьётся птицей грусть.
Вглядысь в судьбу разбитую зеркал,
Промолвим вновь: «Печали... Ну и пусть».

А осень—в плач, и небо—пополам,
И ночь вокруг отчаянно темна.
Одной глубокой бездны по краям,
Как два прекрасных, но печальных сна,

Как две звезды, хранящие мечту,
И их тоска—связующая нить,
Что одиноко смотрят в пустоту,
Но ничего не могут изменить.

● ● ●

В какое странное средневековье
Или в глухие, как тьма, страницы
С надеждой лёгкой или с любовью
Уйдёшь, чтоб болью моей напиться.

В свои размытые очертанья
Иль в гулкий мрак и безумство бури
Уйдёшь ты повестью без названья,
Закатом алым в слепой лазури.

В какие дни и какие чувства,
И след твой—холод и тень ночная.
И только в мире так странно пусто
Лишь оттого, что тебя не знаю.

А там—столетья, а там—печали,
И новолунья костёр тревожный.
Ты знаешь, звёзды бледнее стали
И всё тоскуют о невозможном.

Какая тайна в душе хранится,
А за мечтой—и печали следом.
Уйдёшь, чтоб болью моей напиться,
Свою уже до конца изведав.

Надежда Лашкевич

17 лет

.....

● ● ●

Любимая... совсем не Ваша.
Вы это видеть не могли:
Газеты, гречневая каша.
И свет очей. И соль земли.

А Вам хотелось славы, славы, славы.
Сначала—розы, а шипы потом.
Как презирали Вы (и были правы)
Уют, умело вышитый крестом.

А я, поверьте, незлобива.
И дай Вам Бог дожить до ста
Возлюбленным прекрасной Клио,
А мне—невестою Христа.

● ● ●

Остаётся душистая копоть,
Лбом—об стену, и слёзы—в кулак.
Это всё называется—опыт
В бессердечных сердечных делах.
Дёргать струны и латами бряцать...
Беспощаден червовый валет,
Если девочке целых семнадцать
Всухмятку проглоченных лет.
Поперхнулась... и всё же, и всё же
Доцарапала кончик строки.
Благодарствую, Господи Боже,
За полученные синяки.

● ● ●

Признание мерцало матово
Единым росчерком пера.
Не помню... Кажется, Ахматова.
Забыла. Кажется, вчера.
Когда насмешливый поморник
Глотал осколки декабря,
Я тискала истёртый сборник,
Как шлейку пса-поводыря,
Слизавшего слепые слёзы
Горячим белым языком.
Среди поэзии и прозы
Не стоит бегать босиком.
Царапина горела матово.
Игла шиповника остра.
Не помню. Кажется, Ахматова.
Забыла. Кажется, вчера.